

1

Годы, не говоря века, своим течением меняют все – психологию, нравы, деньги, еду, одежду, оружие, даже внешность людей, но не меняется проклятая константа: жить на Руси хорошо доводится только небольшой группе людей.

В чем тут дело?

Некрасов в глобальной своей классической поэме не стремится сыскать ответа, давая скорбную констатацию как широкую панораму русской жизни с дремучей нищетой, дьявольской несправедливостью, свинцом реальности, в определенном смысле растянутой на века.

Некрасову в большей мере, чем кому бы то ни было из классиков поэзии, было присуще сострадание, недаром так пел первый его перл:

*Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.
Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»*

Кристалльно-прозрачный, совершенный стих, текущий скорбью, как кровью, косвенно призывающий к изменению жизни...

Космос Некрасова обширен и многозвучен; взмывы его поднимаются до звезд невоплотившейся мечты, касаясь лучами общественного идеала; и музыка некрасовских созвучий никогда не изменяет основной формуле звука: даже и страдания живописуя, она сладка, как ключевая вода в жаркий полдень.

Каков пейзаж, рисуемый стихом!

С ним хочется соприкоснуться, войти в него – столь он великолепен, так ощущаешь его:

*Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит...*

Разумеется, «Железная дорога» не сосредоточена на показе природных картин, столь богатых на Руси, иной пафос движет стихом и вечное русское:

*Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придется – ни мне, ни тебе.*

Сквозь высоты музыки отзывается извечной же болью...
...Снова разойдется «Мороз, Красный нос», поражая великолепием: зачарованные стоят леса, как великолепные музеи природного могущества, лежат мощные льды, зачехлившие реки, и только вступишь в зимний русский лес – слышится:

*Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.*

И какую силой, какую верой в бесконечную творческую мощь народа звучит хрестоматийный «Школьник»...

Сострадание некрасовской музыки – ко всем попавшим в жизнь, вынужденным в ней искать себя, да так, чтобы не слишком утеснять других, – велико, как велика и вера в замечательное грядущее; и если со вторым нам удастся соприкоснуться мало, все время наступая на пресловутые грабли, первого нам так не хватает! И как знать, возможно, второе неразрывно и связано с недостатком первого?

И думается – тут вдумчивое чтение Н. А. Некрасова может помочь.

2

Страшно начинается, страшно длится, врезается в сознание:

*Савраска увяз в половине сугроба –
Две пары промерзлых лаптей*

*Да угол рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.*

Жесткие, морозом скрепленные картины, а музыка, волшебная музыка мороза все равно звучит величественно – вечным...

Но жизнь лучше не будет: есть как есть – не поверить, что когда-то настанет другое время:

*Привычная дума поэта
Вперед забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит...*

Патриархальность, сходящаяся с трагедией; трагедия, отрицающая нужность оной патриархальности...

Речь пойдет о крестьянской жизни, являвшейся вариантом креста на Руси на протяжении многих и многих веков.

Речь полетится, живописуя драмы, которые перекусывают жизни людские, и речь эта будет музыкой жизни, с которой... ничего, казалось, не сделать.

Но она будет изменена, однако, даже круто, даже сильно! ...И все равно Мороз-воевода обойдет свои владения, и будет трещать и стрелять великолепный синеватый снежный пласт...

Будут громоздиться красоты снежного, отливающего розовым серебром, будет природная мудрость; хоть панорамы, развернутые в поэме, отрицают мудрое устройство общества. Тогдашнего.

Но и теперь особо нечем гордиться.

3

...Мы сталкивались с дедушкой Мазаем с ранних лет, поэма входила в детский мир священным образом доброты,

и зайцы – эти милые зверушки, всегда ассоциирующиеся с детством, – представляли своеобразным символом – знаком помощи, необходимой всем.

В естественности некрасовского стиха есть своя особая гармония плавности, напевности: его хочется именно пропевать, а не читать.

...Кажется, в конце жизни Некрасов изверился в словах:

*Слова... слова... красивые рассказы
О подвигах... но где же их дела?
Иль нет людей, идущих дальше фразы?
А я сюда всю душу принесла!..*

Возможно, так оно и было, ибо даже въедаясь в сознание народное, стихи не способны менять действительность; но, насыщая волнами сострадания – и любви! – пространство, Некрасов в большей мере, чем кто-либо другой из поэтов, готовил перемены, а что они необходимы, следовало из общего хода жизни.

Честность и честь, определявшие путь Некрасова-поэта, не подлежат разрыву:

*О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба –
Не плачь! завиден жребий наш,
Не наругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!*

Тут только одна ошибка: не «долго», а «никогда»...

Он был новатором – Некрасов: он вводил в поэтический оборот речения купеческие, простонародные, разные, совершая в поэзии работу, аналогичную той, что в прозе вершил Достоевский, сшибая самые различные языковые пласты.

Как бытово, но и бытийно звучит:

*У купца у Семиглотова живут люди не говеючи,
льют на кашу масло постное, словно воду, не жалеючи...*

Какова емкость строки, дающей полную картину существования определенных людских пространств!

Разойдутся «Коробейники»:

*Ситцы есть у нас богатые,
Есть миткаль, кумач и плис.
Есть у нас мыла пахучие –
По две гривны за кусок,
Есть румяна нелинючие –
Молодись за пятачок!*

Ленты перечислений, густые, многоцветные, наполняют стихи, что короба; слово пенится, играет, вспыхивает самоцветно...

И все – русское, раздольное, мрачное, страшное...

Да, да – ибо вечно смешано у нас многое, ибо позорное крепостное право длилось долго и отменено было поздно, ибо крестьянское бытие, так плотно и полно описанное Некрасовым, было кошмарно...

Его метафизика – это постижение русского мира с жаждою изменений: назревших, насущных:

*Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!*

Поэтические формулы поэта входили в коллективное сознание, меняя его: если уж стихи не способны менять реальность...

Из пантеона русской классики три поэта, думается, наиболее соответствуют понятию «народный»: Пушкин, Некрасов, Есенин; но именно в Некрасове сила сострадания проявлена с наибольшей полнотой.

5

Вольное дыхание некрасовской строки, продиктованное честностью и величием его музыки.

У каждого великого поэта она своя, и некрасовская, диктующая «Славная осень...», – слишком знает русский воздух и красоту пейзажа...

Никому на Руси жить хорошо не будет! Ибо и власть имеющие, и в усадьбах сидящие почувствуют бездну, грозящую им.

Никому не будет хорошо – и закружившийся хоровод, о котором Некрасов не знал ничего, не мог предчувствовать, поднимая массы людские, принесет столько жертв, что страшно станет.

Некрасову было страшно от несправедливости мира: «Вчерашний день, часу в шестом...» – стихотворение, сделавшее Некрасова поэтом, ярко свидетельствует об этом.

Некрасов вырубал стигмат сострадания на душах читателей, ибо без него они – души – мертвы.

Некрасов видел Мороз, Красный нос во всем его великолепии, что могло бы открыться только детям, свято верившим в Деда Мороза...

Стеклянные своды зимы заиграют тонкой сканью, великолепно переливаясь и играя всерьез.

Будущий школьник, отправляющийся учиться, узнает, как может стать великим архангельский мужик.

Некрасов ввел столько новых речений в поэзию – чиновничьих, купецких, – что новаторство его стиха становится очевидным.

Световое море, открытое над нами, передано поэтом с умною силою и добрым мастерством (а оно бывает разное); и жизнь поэтического свода Некрасова столь полно растворилась в русском космосе, что грядущее не может корчиться в безъязыкости и отсутствии сострадания, как сейчас, когда, вероятно, мы проходим дорогами ложного грядущего...

6

И трауром, и светом пронизано стихотворение «Памяти Добролюбова», заучивавшееся некогда в школах, дававшееся блестящим образцом поэтического шедевра...

Рано умерший критик и публицист представал молодым мудрецом, настолько владевшим собой, что не верилось в подобные возможности в раннем возрасте.

Подчинение страстей рассудку есть дар или достижение самодисциплины?

Возможно, Некрасов перехватывал, выдавая желаемое за действительное, но, воспевая добродетели Добролюбова, был последователен в изложении своей точки зрения на добродетель вообще.

Выработка характера, используя который можно достичь цели, сколь бы сложна она ни была.

Отказ от мирских наслаждений (которым вряд ли был чужд сам поэт) в пользу чистоты, столь же мало реальной в человеческом сообществе, сколь и привлекательной для многих здравых умов.

Любовь к родине, которой отдаются труды, надежды, помышленья.

Образ Добролюбова с вещим пером, так рано выпавшим из рук, рисуется ярко и остро, тут словно использова-

на тушь: техника рисования которой требует особой сосредоточенности и мастерства...

И стихотворение – высеченное в пространстве, чтобы не погасли его строчки-линии, – вспыхивает и сегодня: примером, призывом, умной силой...

7

Обороты наращивались, популярность росла: Некрасов совместно с писателем и журналистом Панаевым берет в аренду у Плетнёва журнал «Современник», основанный еще Пушкиным...

Литературная молодежь, на которую всегда возлагаются избыточные надежды, переходит к Некрасову, распрощавшись с Краевским; также поступает и В. Белинский, передающий Некрасову часть материалов для несостоявшегося, задуманного им издания с грозным названием «Левиафан».

«Современник» бурлит.

Он представляет лучшее, что есть в литературе, и многое из него уходит через современность в будущее и далее – в гипотетическую вечность.

Сколько энергии в человеке!

Кажется, и в карты Некрасов играл с тем же неистовством, что писал и занимался издательской деятельностью.

Бесплатные приложения к журналу также добавляют ему популярности; однако грядет «мрачное семилетие»: правительство Николая I, напуганное событиями Французской революции, начинает преследовать передовую журналистику, мешать бытованию лучшей литературы.

В дальнейшем редакция «Современника» оказывается расколотой на поборников умеренности и радикально настроенных последователей Гоголя.

Умирает Добролюбов, ссылают в Сибирь Чернышевского и Михайлова.

Удары тяжелы.

Острая некрасовская сатира «Газетная», высмеивающая цензуру, добавляет неприязни в мутный котел правительственного неприятия «Современника»; через какое-то время журнал закрывают.

Издательская деятельность Некрасова как линия отвлечения литературного дара – столь же высокого, сколь и смелого, как смелым был журнал, как заостренные металлись копыя сатиры в вечно не так устроенное общество.

8

Талант варит сатиру как бальзам, необходимый для излечения язв общества: их достаточно в любом, порою они собираются в гроздья, практически деформируя тело социума настолько, что мало кто поймет, каким оно должно быть в реальности; сатирические струи промывали творчество Некрасова с 40-х годов и были связаны с обостренной чувствительностью и воспаленной совестью, не дававшими мириться с предложенным вариантом мироустройства; в 60–70-е годы Некрасов создает целые сияющие пласты сатиры, изобретая новые жанры, подобно тому как стихи и поэмы насыщал новыми, ранее непривычными языковыми богатствами: Некрасов пишет стихотворные памфлеты, поэмы-обозрения, клубные сатиры, он высмеивает, заливая кислотой сарказма, цензуру, он не верит в благотворность отмены крепостного права, полагая в ней уловку...

Лирическое начало теряется, возникает стихотворный фельетон, близкий к полям водевиля, наконец, появляется большая поэма «Современники», где гротеск чередуется с иронией, а шары фарса лопаются над пиками сарказма; таким образом проявляется новая эпоха русской сатирической поэзии, означенная и начатая Некрасовым.